

Н. ГУМИЛЕВЪ

КОСТЕРЪ

СТИХИ

ГИПЕРБОРЕЙ

Дорогой Александру Александровичу
Тышону

в знак уважения и давней
любви

14 декабря 1918

Н. Гумилев

94 $\frac{5}{71}$

Н. ГУМИЛЕВЪ

КОСТЕРЪ

СТИХИ

С. - ПЕТЕРБУРГЪ
Издательство Гиперборей
1918

120927

ДЕРЕВЬЯ.

Я знаю, что деревьямъ, а не намъ,
Дано величье совершенной жизни.
На ласковой землѣ, сестрѣ звѣздамъ,
Мы — на чужбинѣ, а они — въ отчизнѣ.

Глубокой осенью въ поляхъ пустыхъ
Закаты мѣдно-красные, восходы
Янтарные окраскѣ учатъ ихъ, —
Свободные, зеленые народы.

Есть Моисеи посреди дубовъ,
Маріи между пальмъ... Ихъ души, вѣрно,
Другъ другу посылаютъ тихій зовъ
Съ водой, струящейся во тьмѣ безмѣрной.

*дружбу свое
убожесть*

И въ глубинѣ земли, точка алмазъ,
Дробя гранитъ, ключи лепечутъ скоро,
Ключи поютъ, кричатъ — гдѣ сломанъ вязъ,
Гдѣ листьями одѣлась сикомора.

О, если бы и мнѣ найти страну,
Въ которой могъ не плакать и не пѣть я,
Безмолвно поднимаясь въ вышину
Неисчислимыя тысячелѣтья!

АНДРЕЙ РУБЛЕВЪ.

Я твердо, я такъ сладко знаю,
Съ искусствомъ иноковъ знакомъ,
Что ликъ жены подобенъ раю,
Обѣтованному Творцомъ.

Носъ — это древа стволъ высокій;
Двѣ тонкія дуги бровей
Надъ нимъ раскинулись, широки,
Изгибомъ пальмовыхъ вѣтвей.

Два вѣщихъ сирина, два глаза,
Подъ ними сладостно поютъ,
Велерѣчивостью разсказа
Всѣ тайны духа выдаютъ.

Открытый лобъ—какъ сводъ небесный,
И кудри — облака надъ нимъ;
Ихъ, вѣрно, съ робостью прелестной
Касался нѣжный серафимъ.

И тутъ же, у подножья древа,
Уста—какъ нѣкій райскій цвѣтъ,
Изъ за какого мать Ева
Благой нарушила завѣтъ.

Все это кистью достохвальной
Андрей Рублевъ мнѣ начерталъ,
И этой жизни трудъ печальный
Благословеньемъ Божимъ сталъ.

ОСЕНЬ.

Оранжево-красное небо...
Порывистый вѣтеръ качаетъ
Кровавую гроздь рябины.
Догоняю бѣжавшую лошадь
Мимо стеколь оранжереи,
Рѣшетки стараго парка
И лебединого пруда.
Косматая, рыжая, рядомъ
Несется моя собака,
Которая мнѣ милѣе
Даже родного брата,
Которую буду помнить,
Если она издохнетъ.
Стукъ копытъ участился,
Пыль все выше.
Трудно преслѣдовать лошадь
Чистой арабской крови.
Придется присѣсть, пожалуй,
Задохнувшись, на камень
Широкий и плоский,
И удивляться тупо
Оранжево-красному небу,
И тупо слушать
Кричащій пронзительно вѣтеръ.

ДѢТСТВО.

Я ребенкомъ любилъ большіе,
Медомъ пахнушіе луга,
Перелѣски, травы сухія
И межъ травъ бычачьи рога.

Каждый пыльный кустъ придорожный
Мнѣ кричалъ: „Я шучу съ тобой,
Обойди меня осторожно
И узнаешь, кто я такой!“

Только дикій вѣтеръ осенній,
Прошумѣвъ, прекращалъ игру,—
Сердце билось еще блаженнѣй,
И я вѣрилъ, что я умру

Не одинъ, — съ моими друзьями,
Съ мать-и-мачехой, съ лопухомъ,
И за дальними небесами
Догадаюсь вдругъ обо всемъ.

Я за то и люблю затѣи
Грозовыхъ военныхъ забавъ,
Что людская кровь не святѣе
Изумруднаго сока травъ.

ГОРОДОКЪ.

Надъ широкою рѣкой,
Пояскомъ-мостомъ перетянутой,
Городокъ стоитъ небольшой,
Лѣтописцемъ не разъ помянутый.

Знаю, въ этомъ городкѣ —
Человѣчья жизнь настоящая,
Словно лодочка на рѣкѣ,
Къ цѣли вѣдомой уходящая.

Полосатые столбы
У гауптвахты, гдѣ солдатики
Подъ пронзительный вой трубы
Маршируютъ, совсѣмъ лунатики. 18

На базарѣ всякій людъ,
Мужики, цыгане, прохожіе —
Покупаютъ и продаютъ,
Проповѣдуютъ Слово Божіе.

Мамъ вѣрѣ
К. С. Толстой

Въ крѣпко-слаженныхъ домахъ
Ждутъ хозяйки бѣлыя, скромныя,
Въ самаркандскихъ цвѣтныхъ платкахъ,
А глаза все такіе темныя.

Губернаторскій дворецъ
Пышетъ свѣтомъ въ часы вечерніе,
Предводителейъ жеребецъ —
Удивленіе всей губерніи.

А весной идутъ, таясь,
На кладбище дѣвушки съ млыми,
Шепчутъ, ластясь — „Мой яхонтъ-князь!“
И цѣлуются надъ могилами.

Крестъ надъ церковью взнесенъ,
Символь власти ясной, Отческой,
И гудитъ малиновый звонъ
Рѣчью мудрою, человѣческой.

одна изъ букв

ЛЕДОХОДЪ.

Ужъ одѣвались острова
Весенней зеленью прозрачной,
Но нѣтъ, измѣнчива Нева,
Ей такъ легко стать снова мрачной.

Взойди на мостъ, склони свой взглядъ:
Тамъ льдины прыгають по льдинамъ,
Зеленя, какъ мѣдный ядъ,
Съ ужаснымъ шелестомъ змѣинымъ.

Географу, въ часъ трудныхъ сновъ,
Такія тяготять сознание —
Невѣдомыхъ материковъ
Мучительныя очертанья.

Такъ пахнуть сыростью гриба,
И неуверенно, и слабо,
Тѣ потайные погреба,
Гдѣ трупъ зарыть и бродячь жабы.

Рѣка больна, рѣка въ бреду.
Одни, увѣрены въ побѣдѣ,
Въ зоологическомъ саду
Довольны бѣлые медвѣди.

И знаютъ, что одинъ обманъ —
Ихъ тягостное заточенье:
Самъ Ледовитый Океанъ
Идетъ на ихъ освобожденье.

√ ПРИРОДА.

Такъ вотъ и вся она, природа
Которой духъ не признаеть,
Вотъ лугъ, гдѣ сладкій запахъ меда
Смѣшался съ запахомъ болотъ;

Да вѣтра дикая заплачка,
Какъ отдаленный вой волковъ;
Да надъ сосной курчавой скачка
Какихъ то пѣгихъ облаковъ.

Я вижу тѣни и обличья,
Я вижу, гнѣвомъ обуянъ,
Лишь скудное многообразие
Творцомъ просыпанныхъ сѣмянъ.

Земля, къ чему шутить со мною:
Одежды нищенскія сбрось
И стань, какъ ты и есть, звѣздой,
Огнемъ пронизанной насквозь!

Я И ВЫ.

Да, я знаю, я вамъ не пара,
Я пришелъ изъ иной страны,
И мнѣ нравится не гитара,
А дикарскій напѣвъ зурны.

Не по заламъ и по салонамъ
Темнымъ платьямъ и пиджакамъ—
Я читаю стихи драконамъ,
Водопадамъ и облакамъ.

Я люблю — какъ арабъ въ пустынь
Припадаетъ къ водѣ и пьетъ,
А не рыцаремъ на картинѣ,
Что на звѣзды смотреть и ждетъ.

И умру я не на постели
При нотариусѣ и врачѣ,
А въ какойнибудь дикой щели,
Утонувшей въ густомъ плющѣ,

Чтобъ войти не во всѣмъ открытый,
Протестантскій, прибранный рай,
А туда, гдѣ разбойникъ, мытарь
И блудница крикнуть: вставай!

120927

ЗМЪЙ.

Ахъ, иначе въ былые года
Колдовала земля съ небесами,
Дива дивныя зрѣлись тогда,
Чуда чудныя дѣялись сами...

Позабивъ Золотую Орду,
Пестрый грохотъ равнины китайской,
Змѣй крылатый въ пустынномъ саду
Часто прятался полночью майской.

Только дѣвушки видѣть луну
Выходили походкою статной,—
Онъ подхватывалъ быстро одну,
И взмывалъ, и стремился обратно.

Какъ сверкаль, какъ слѣпилъ и горѣлъ
Мѣдный панцырь подъ хищной луною,
Какъ серебрянымъ звономъ летѣлъ
Мѣрный клекотъ надъ Русью лѣсною:

„Я красавицъ такихъ, лебедей
Съ бѣлизною такою молочной,
Не встрѣчалъ никогда и нигдѣ,
Ни въ заморской странѣ, ни въ восточной.

Но еще ни одна не была
Во дворцѣ моемъ пышномъ, въ Лагорѣ:
Умирають въ пути, и тѣла
Я бросаю въ Каспійское Море.

Спать на днѣ, средь чудовищъ морскихъ,
Почему имъ, безумнымъ, дороже,
Чѣмъ въ могучихъ объятяхъ моихъ
На торжественномъ княжескомъ ложѣ?

И порой мнѣ завидна судьба
Парня съ бѣлой пастушеской дудкой
На лугу, гдѣ дѣвичья гурьба
Такъ довольна его прибауткой“.

Эти крики слыша, Вольга
Выходилъ и поглядывалъ хмуро,
Надѣвалъ тетиву на рога
Бѣловѣжскаго стараго тура.

МУЖИКЪ.

Въ чашахъ, въ болотахъ огромныхъ,
У оловянной рѣки,
Въ срубахъ мохнатыхъ и темныхъ
Странные есть мужики.

Выйдетъ такой въ бездорожье,
Гдѣ разбѣжался ковыль,
Слушаетъ крики Стрибожьи,
Чуя старинную быль.

Съ остановившимся взглядомъ
Здѣсь проходилъ печенѣгъ...
Сыростью пахнетъ и гадомъ ?
Возлѣ мельбюющихъ рѣкъ.

Вотъ уже онъ и съ котомкой,
Путь оглашая лѣсной
Пѣсней протяжной, негромкой,
Но озорной, озорной.

Путь этотъ—свѣты и мраки,
Посвистъ разбойный въ поляхъ,
Ссоры, кровавыя драки
Въ страшныхъ, какъ сны, кабакахъ.

Въ гордую нашу столицу
Входитъ онъ—Боже, спаси!—
Обворожаетъ царицу
Необозримой Руси

Взглядомъ, улыбкою дѣтской,
Рѣчью такой озорной,—
И на груди молодецкой
Крестъ просіялъ золотой.

Какъ не пгнулись—о горе!—
Какъ не покинули мѣстъ
Крестъ на Казанскомъ соборѣ
И на Исакии крестъ?

Надъ потрясенной столицей
Выстрѣлы, крики, набать,
Городъ ощерился львицей,
Обороняющей лвять.

— „Что жъ, православные, жгите
Трупъ мой на темномъ мосту,
Пепель по вѣтру пустите...
Кто защититъ сироту?

Въ дикомъ краю и убогомъ
Много такихъ мужиковъ,
Слышенъ по вашимъ дорогамъ
Радостный гулъ ихъ шаговъ“.—

(РАБОЧІЙ.)

Онъ стоитъ предъ раскаленнымъ горномъ,
Невысокій старый человѣкъ.
Взглядъ спокойный кажется покорнымъ
Отъ миганья красноватыхъ вѣкъ.

Всѣ товарищи его заснули,
Только онъ одинъ еще не спитъ,
Все онъ занятъ отливаньемъ пули,
Что меня съ землею разлучить.

Кончилъ, и глаза повеселѣли.
Возвращается. Блеститъ луна.
Дома ждетъ его въ большой постели
Сонная и теплая жена.

Пуля, имъ отлитая, просвищетъ
Надъ сѣдою, вспѣнной Двиной,
Пуля, имъ отлитая, отыщеть
Грудь мою, она пришла за мной.

Упаду, смертельно затоскую,
Прошрое увижу наяву,
Кровь ключемъ захлещеть на сухую,
Пыльную и мятую траву.

И Господь воздасть мнѣ полной мѣрой
За недолгій мой и горькій вѣкъ.
Это сдѣлалъ въ блузѣ свѣтло-сѣрой
Невысокій старый человекъ.

ШВЕЦИЯ.

Страна живительной прохлады
Лѣсовъ и горъ гудящихъ, гдѣ
Всклооченные водопады
Ревуть, какъ будто быть бѣдѣ;

Для насъ священная навѣки
Страна, ты помнишь ли, скажи,
Тотъ день, какъ изъ Варяговъ въ Греки
Пошли суровые мужи?

Отвѣтъ, ужели такъ и надо,
Чтобъ быть, свидѣтель злыхъ обидъ,
У золотыхъ воротъ Царьграда
Забуть Олеговъ мѣднй щитъ?

Чтобы въ томительные бреды
Опять поникла, какъ вчера,
Для славы, силы и побѣды
Тобой подъятая сестра?

И неужель твой вѣтеръ свѣжй
Вотще намъ въ уши сладко выль,
Къ Руси славянской, печенѣжьей
Вотще твой Рюрикъ приходилъ?

НОРВЕЖСКІЯ ГОРЫ.

Я ничего не понимаю, горы:
Вашъ гимнъ поетъ кощунство иль псаломъ,
И вы, смотрясь въ холодныя озера,
Молитвой заняты иль колдовствомъ?

Здѣсь съ криками чудовищныхъ глумлений,
Какъ сатана на огненномъ конѣ,
Перь Гюнтъ леталъ на бѣшеномъ оленѣ
По самой неприступной крутизнѣ.

И, царствъ земныхъ непризнанный наслѣдникъ,
Единый побѣжденный до конца,
Не здѣсь ли Брандъ, суровый проповѣдникъ,
Сдвигалъ лавины именемъ Творца?

А вѣчный снѣгъ и синяя, какъ чаша
Сапфирная, сокровищница льда!
Страшна земля, такая же, какъ наша,
Но не рождающая никогда.

И дивны эти неземныя лица,
Чьи кудри—снѣгъ, чьи очи—дыры въ адъ,
Съ чьихъ щекъ, изрытыхъ бурями, струится,
Какъ борода сѣдая, водопадъ.

(НА СЪВЕРНОМЪ МОРЬ.)

*Загнана стана
спрашиваем
за мѣсто?*

О да, мы изъ расы
Завоевателей древнихъ,
Взносившихъ надъ Сѣвернымъ Моремъ
Широкій крашеный парусъ
И прыгавшихъ съ длинныхъ струговъ
На плоскій берегъ нормандскій—
Въ предѣлы старинныхъ княжествъ
Пожары вносить и смерть.

Уже не одно столѣтье
Вотъ такъ мы бродимъ по міру,
Мы бродимъ и трубимъ въ трубы,
Мы бродимъ и бьемъ въ барабаны:
— Не нужны ли крѣпкія руки,
Не нужно ли твердое сердце,
И красная кровь не нужна ли
Республикѣ иль королю?—

Эй, мальчикъ, неси намъ
Вина скорѣе,
Малаги, портвейну,
А главное—виски!
Ну, что тамъ такое:
Подводная лодка,
Пловучая мина?
На это есть моряки!

О да, мы изъ расы
Завоевателей древнихъ,
Которымъ вѣчно скитаться,
Срывать съ высокихъ башень,
Тонуть въ сѣдыхъ океанахъ
И буйной кровью своею
Поить ненасытныхъ пьяницъ—
Желѣзо, сталь и свинець.

Но все таки пѣсни слагаютъ
Поэты на разныхъ нарѣчьяхъ,
И западныхъ, и восточныхъ,
Но все таки молятъ монахи
Въ Мадридѣ и на Аѳонѣ,
Какъ свѣчи горя передъ Богомъ,
Но все таки женщины грезятъ—
О насъ, и только о насъ.

СТОКГОЛЬМЪ.

Зачѣмъ онъ мнѣ снился, смятенный, нестройный,
Рожденный изъ глуби не нашихъ временъ,
Тотъ сонъ о Стокгольмѣ, такой безпокойный,
Такой ужъ почти и не радостный сонъ...

Быть можетъ, былъ праздникъ, не знаю навѣрно,
Но только все колоколь, колоколь звалъ;
Какъ мощный органъ, потрясенный безмѣрно,
Весь городъ молился, гудѣлъ, грохоталъ.

Стоялъ на горѣ я, какъ будто народу
О чемъ то хотѣлъ проповѣдывать я,
И видѣлъ прозрачную тихую воду,
Окредныя рощи, лѣса и поля.

„О Боже,—вскричалъ я въ тревогѣ,—что если
Страна эта истинно родина мнѣ?
Не здѣсь ли любилъ я и умеръ не здѣсь ли,
Въ зеленой и солнечной этой странѣ?“

И понялъ, что я заблудился навѣки
Въ слѣпыхъ переходахъ пространствъ и временъ,
А гдѣ то струятся родимыя рѣки,
Къ которымъ мнѣ путь навсегда запрещенъ.

ТВОРЧЕСТВО.

Моимъ рожденные словомъ,
Гиганты пили вино
Всю ночь, и было багровымъ,
И было страшнымъ оно.

О, если бь кровь мою пили,
Я меньше бы изнемогъ,
И пальцы зари бродили
По мнѣ, когда я прилегъ.

Проснулся, когда былъ вечеръ..
Вставалъ туманъ отъ болотъ,
Тревожный и теплый вѣтеръ
Дышалъ изъ южныхъ воротъ.

И стало мнѣ вдругъ такъ больно,
Такъ жалко мнѣ стало дня,
Своею дорогой вольной
Прошедшаго безъ меня...

Умчаться бь вдогонку свѣту!
Но я не въ силахъ порвать
Мою зловѣщую эту
Ночныхъ видѣній тетрадь.

УТЪШЕНІЕ.

Кто лежитъ въ могилѣ,
Слышитъ дивный звонъ,
Самыхъ бѣлыхъ лилій
Чуетъ запахъ онъ.

Кто лежитъ въ могилѣ,
Видитъ вѣчный свѣтъ,
Серафимскихъ крылій
Переливный снѣгъ.

Да, ты умираешь,
Руки холодны,
И сама не знаешь
Неземной весны.

Но идешь ты къ раю
По моей мольбѣ,
Это такъ, я знаю,
Я клянусь тебѣ.

ПРАПАМЯТЬ.

И вотъ вся жизнь! Круженье, пѣнье,
Моря, пустыни, города,
Мелькающее отраженье
Потеряннаго навсегда.

Бушуетъ пламя, трубятъ трубы,
И кони рыжіе летятъ,
Потомъ волнующія губы
О счастье, кажется, твердятъ.

И вотъ опять восторгъ и горе,
Опять, какъ прежде, какъ всегда,
Съдою гривой машетъ море,
Встаютъ пустыни, города.

Когда же, наконецъ, возставши
Отъ сна, я буду снова я,—
Простой индеецъ, задремавшій
Въ священный вечеръ у ручья?

КАНЦОНА ПЕРВАЯ.

Въ сколькихъ земныхъ океанахъ я плыль,
Древнихъ, веселыхъ и пѣнныхъ,
Сколько въ степяхъ каравановъ водилъ
Дней и ночей несравненныхъ...

Какъ мы смѣялись въ былые года
Съ вольною Музой моею...
Риѣмы, какъ птицы, слетались тогда,
Сколько—и вспомнить не смѣю.

Только любовь мнѣ осталась, струной
Ангельской арфы вzywая,
Душу пронзая, какъ тонкой иглой,
Синими свѣтами рая.

Ты мнѣ осталась одна. Наяву
Видѣвшій солнце ночное,
Лишь для тебя на землѣ я живу,
Дѣлаю дѣло земное.

Да, ты въ моей безпокойной судьбѣ—
Иерусалимъ пилигримовъ.
Надо бы мнѣ говорить о тебѣ
На языкѣ серафимовъ.

КАНЦОНА ВТОРАЯ.

Храмъ Твой, Господи, въ небесахъ,
Но земля тоже Твой приютъ.
Расцвѣтаютъ липы въ лѣсахъ,
И на липахъ птицы поютъ.

рико

Точно благовѣсть Твой, весна
По веселымъ идетъ полямъ,
А весною на крыльяхъ сна
Прилетаютъ ангелы къ намъ.

Если, Господи, это такъ,
Если праведно я пою,
Дай мнѣ, Господи, дай мнѣ знакъ,
Что я волю понялъ Твою.

Передъ той, что сейчасъ грустна,
Появись, какъ Незримый Свѣтъ,
И на все, что спроситъ она,
Ослѣпительный дай отвѣтъ.

Вѣдь отраднѣй пѣнія птицъ,
Благодатнѣй ангельскихъ трубъ
Намъ дрожанье милыхъ рѣсницъ
И улыбка любимыхъ губъ.

Мурт
всѣхъ холмовъ
созданъ Тучицки

КАНЦОНА ТРЕТЬЯ.

Какъ тихо стало въ природѣ,
Вся — зрѣнье она, вся — слухъ,
Къ послѣдней, страшной свободѣ
Склонился уже нашъ духъ.

Земля забудетъ обиды
Всѣхъ воиновъ, всѣхъ купцовъ,
И будутъ, какъ встарь, друиды
Учить съ зеленыхъ холмовъ.

И будутъ, какъ встарь, поэты
Вести сердца къ высотѣ,
Какъ ангелъ водить кометы
Къ невѣдомой имъ метѣ.

Тогда я воскликну: „Гдѣ же
Ты, созданная изъ огня?
Ты видишь, взоры все тѣ же,
Все та же пѣснь у меня.

Дѣлюсь я съ тобою властью,
Слуга твоей красоты,
За то, что полное счастье,
Послѣднее счастье — ты!“

САМОӨРАКІЙСКАЯ ПОБѢДА

Въ часъ моего ночного бреда
Ты возникаешь предъ глазами—
Самоөракійская Побѣда
Съ простертыми впередъ руками.

Спугнувъ безмолвіе ночное,
Рождаетъ головокруженье
Твое крылатое, слѣпое,
Неудержимое стремленье.

Въ твоемъ безумно-свѣтломъ взглядѣ
Смѣется что то, пламенѣя,
И наши тѣни мчатся сзади,
Поспѣть за нами не умѣя.

РОЗА.

Цвѣтовъ и пѣсенъ благодатный хмель
Намъ запрещень, какъ ветхія мечтанья.
Лишь дѣвственныя наименованья
Поэтамъ разрѣшаются отсель.

Но роза, принесенная въ отель,
Забытая нарочно въ часъ прощанья
На томикѣ стариннаго изданья
Канцонъ, которыя слагалъ Рюдель,—

Ее вѣдь смѣю я почтить сонетомъ:
Мнѣ книга скажетъ, что любовь одна
Въ тринадцатомъ столѣтїи, какъ въ этомъ,

Печальнѣй смерти и пьянѣй вина,
И, бархатные лепестки цѣлуя,
Быть можетъ, преступленья не свершу я?

ТЕЛЕФОНЪ.

Неожиданный и смѣлый
Женскій голосъ въ телефонъ,—
Сколько сладостныхъ гармоній
Въ этомъ голосѣ безъ тѣла!

Счастье, шагъ твой благосклонный
Не всегда проходитъ мимо:
Звонче лютни серафима
Ты и въ трубкѣ телефонной!

ЮГЪ.

За то, что я теперь спокойный
И умерла моя свобода,
О самой свѣтлой, о самой стройной
Со мной бесѣдуетъ природа.

Въ дали, отъ зноя помертвѣлой,
Себѣ и солнцу буйно рада,
О самой стройной, о самой бѣлой
Звенить немолчная цикада.

Увижу ль пѣны бережной
Серебряное колыханье,—
О самой бѣлой, о самой нѣжной
Поеть мое воспоминанье.

Вотъ ставить ночь свои вѣтрила
И тихо по небу струится,—
О самой нѣжной, о самой милой
Мнѣ пестрокрылый сонъ приснится.

РАЗСЫПАЮЩАЯ ЗВѢЗДЫ.

Не всегда чужда ты и горда
И меня не хочешь не всегда,

Тихо, тихо, нѣжно, какъ во снѣ,
Иногда приходишь ты ко мнѣ.

Надо лбомъ твоимъ густая прядь,
Мнѣ нельзя ее поцѣловать,

И глаза большіе зажжены
пусто Свѣтами магической луны.

Нѣжный другъ мой, беспощадный врагъ,
Такъ благословенъ твой каждый шагъ,

Словно по сердцу ступаешь ты,
Разсыпая звѣзды и цвѣты.

Я не знаю, гдѣ ты ихъ взяла,
Только отчего ты такъ свѣтла /

И тому, кто могъ съ тобой побыть,
На землѣ ужъ нечего любить?

О ТЕБѢ.

О тебѣ, о тебѣ, о тебѣ,
Ничего, ничего обо мнѣ!
Въ человѣческой, темной судьбѣ
Ты—крылатый призывъ къ вышинѣ.

Благородное сердце твое—
Словно гербъ отошедшихъ временъ.
Освящается имъ бытіе
Всѣхъ земныхъ, всѣхъ безкрылыхъ племень.

Если звѣзды, ясны и горды,
Отвернутся отъ нашей земли,
У нея есть двѣ лучшихъ звѣзды:
Это—смѣлыя очи твои.

И когда золотой серафимъ
Протрубитъ, что исполнился срокъ,
Мы поднимемъ тогда передъ нимъ,
Какъ защиту, твой бѣлый платокъ.

Звукъ замретъ въ задрожавшей трубѣ,
Серафимъ пропадетъ въ вышинѣ...
...О тебѣ, о тебѣ, о тебѣ,
Ничего, ничего обо мнѣ!

*и там,
и там ?*

СОНЪ.

Застоналъ я отъ сна дурного
И проснулся, тяжело скорбя:
Снилось мнѣ—ты любишь другого
И что онъ обидѣлъ тебя.

Я бѣжалъ отъ моей постели,
Какъ убійца отъ плахи своей,
И смотрѣлъ, какъ тускло блестяли
Фонари глазами звѣрей.

Ахъ, навѣрно такимъ бездомнымъ
Не блуждалъ ни одинъ человѣкъ
Въ эту ночь по улицамъ темнымъ,
Какъ по русламъ высохшихъ рѣкъ.

— и другого

Вотъ, стою передъ дверью твоею,
Не дано мнѣ иного пути,
Хоть и знаю, что не посмѣю
Никогда въ эту дверь войти.

Онъ обидѣлъ тебя, я знаю,
Хоть и было это лишь сномъ,
Но я все таки умираю
Предъ твоимъ закрытымъ окномъ.

ЭЗБЕКІЕ.

Какъ странно—ровно десять лѣтъ прошло
Съ тѣхъ поръ, какъ я увидѣлъ Эзбекіе,
Большой каирскій садъ, луною полной
Торжественно въ тотъ вечеръ освѣщенный.

Я женщиною былъ тогда измученъ,
И ни солёный, свѣжій вѣтеръ моря,
Ни грохотъ экзотическихъ базаровъ,
Ничто меня утѣшить не могло.
О смерти я тогда молился Богу
И самъ ее приблизить былъ готовъ.

Но этотъ садъ, онъ былъ во всемъ подобенъ
Священнымъ рощамъ молодого міра:
Тамъ пальмы тонкія вносили вѣтви,
Какъ дѣвушки, къ которымъ Богъ нисходитъ;
На холмахъ, словно вѣщіе друиды,
Толпились величавые платаны,
И водопадъ бѣлѣлъ во мракѣ, точно
Встающій на дыбы единорогъ;
Ночныя бабочки перелетали
Среди цвѣтовъ, поднявшихся высоко,
Иль между звѣздъ,—такъ низко были звѣзды,
Похожія на спѣлый барбарисъ.

И, помню, я воскликнулъ: „Выше горя
И глубже смерти—жизнь! Прими, Господь,
Обѣтъ мой вольный: что бы ни случилось,
Какія бы печали, униженья
Ни выпали на долю мнѣ, не раньше
Задумаюсь о легкой смерти я,
Чѣмъ вновь войду такой же лунной ночью
Подъ пальмы и платаны Эзбекіе“.

Какъ странно—ровно десять лѣтъ прошло,
И не могу не думать я о пальмахъ,
И о платанахъ, и о водопадѣ,
Во мглѣ бѣлѣвшемъ, какъ единорогъ.
И вдругъ оглядываюсь я, заслыша
Въ гудѣньи вѣтра, въ шумѣ дальней рѣчи
И въ ужасающемъ молчаньи ночи
Таинственное слово—Эзбекіе.

Да, только десять лѣтъ, но, хмурый странникъ,
Я снова долженъ ѣхать, долженъ видѣть
Моря, и тучи, и чужія лица,
Все, что меня уже не обольщаетъ,
Войти въ тотъ садъ и повторить обѣтъ
Или сказать, что я его исполнилъ
И что теперь свободенъ...

СОДЕРЖАНІЕ.

Деревья	7
Андрей Рублевъ	8
Осень	10
Дѣтство	11
Городокъ	12
Ледоходъ	14
Природа	16
Я и вы	17
Змѣй	18
Мужикъ	20
Рабочій	22
Швеція	24
Норвежскія горы	25
На Сѣверномъ Морѣ	26
Стокгольмъ	28
Творчество	29
Утѣшеніе	30
Прапамять	31

Канцона первая	32
Канцона вторая	33
Канцона третья	34
Самоѳракійская Побѣда	35
Роза	36
Телефонъ	37
Югъ	38
Разсыпающая звѣзды	39
О тебѣ	40
Сонъ	41
Эзбекиѣ	42

